

С. И. Вайнштейн, М. В. Крюков

«ДВОРЕЦ ЛИ ЛИНА», ИЛИ КОНЕЦ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

Немые руины

В красноватом мареве над широкой долиной, прорезанной реками Ташеба и Абакан, медленно опускалось солнце. Тишину хакасской степи нарушали в этот предвечерний час лишь монотонные глухие удары отбрасываемых комьев спрессованной веками сухой земли. Строилось шоссе, которое начиналось в столице Хакасии — г. Абакане. До конца рабочего дня землекопам предстояло срезать видневшийся впереди небольшой пологий холм, поросший жухлой травой и чахлыми кустами. Высоко в небе парил орел, вдали виднелись курганы — молчаливые свидетели минувших тысячелетий. Казалось, что и этот холм, край которого мешал строителям, — обычный в здешних местах степной курган. Рабочие не подозревали, что их лопаты, врезавшиеся в дерн, сделают открытие, страстные споры вокруг которого будут длиться десятилетия.

Неожиданно чья-то лопата со звоном ударилась во что-то твердое, но хрупкое. Строитель выругался — это мешало копать. Поднял на лопату и отбросил. Десятник наклонился, в его руках была серая черепица правильной круглой формы. Таковую он раньше никогда не видел...

Вскоре в местном музее зазвонил телефон. Директору сообщили, что при прокладке дороги всего в нескольких километрах к юго-западу от Абакана, вблизи поселка колхоза «Сила», была найдена целая груда какой-то странной черепицы. Если это интересно ученым, пусть они приедут и посмотрят.

И ученые приехали. Среди найденной на холме черепицы их внимание привлекли круглые диски с оттиснутыми на них иероглифическими надписями. Стало ясно, что когда-то в древности здесь находилось большое здание, причем большая часть развалин скрыта под холмом. Ввиду исключительной важности находок раскопки были начаты в ближайший полевой сезон, летом 1941 г.

...Продолжить свою работу экспедиция смогла лишь в первое послевоенное лето. В раскопках приняли участие сотрудники Института археологии Академии наук СССР, Хакасского института языка, литературы и истории, а также трех музеев — Государственного Исторического, краеведческих Хакасского и Минусинского. Как и в 1941 г., исследования проводились под руководством Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой. Через год раскопки были завершены.

Время не пощадило древнего дворца. Перед глазами археологов предстала нижняя часть глинобитных стен, сохранившихся на высоту до 1,8 м. Здание было прямоугольным, размером 45×35 м. Оно было ориентировано по странам света. В центральной части дворца находился большой зал площадью 132 м², а вокруг него — 20 комнат (в один ряд по северной и южной сторонам и в два ряда по западной и восточной). Комнаты сообщались между собой дверями. Стены некоторых комнат были очень толстыми, до 2 м. Пол был глинобитным. Когда его вскрыли, то обнаружили под ним отопительные каналы, выложенные по бокам и прикрытые сверху каменными плитками. Кроме того, на полу были

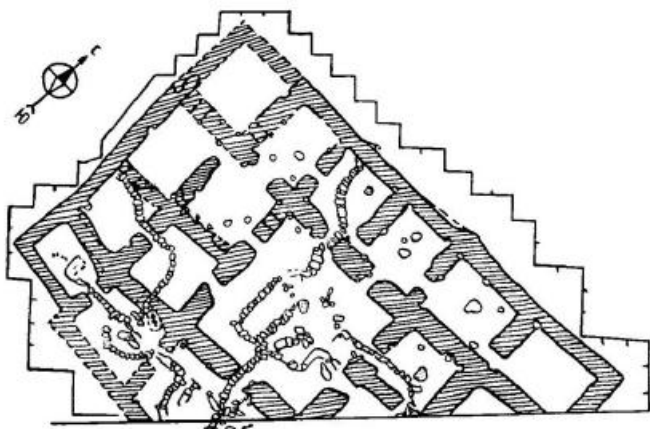

Рис. 1. План раскопанной части дворца близ Абакана (по Л. А. Евтюховой)

найжены следы жаровен, которые использовались для обогрева помещения, причем весьма длительное время, так как пол под ними прокалился на значительную глубину. Расположение черепицы указывало на то, что здание имело четырехскатную двухъярусную крышу. Кровля покоилась на деревянных колоннах, часть которых в свою очередь опиралась на каменные базы. Для сооружения крыши была использована черепица двух типов: основу составляли крупные и толстые четырехугольные плитки, стыки между ними были прикрыты рядами черепицы полуцилиндрической формы. По краю крыши были расположены круглые декоративные диски с надписями.

Деревянные двери дворца не сохранились. Но внутри помещения были найдены отлитые из бронзы дверные ручки — массивные кольца, укрепленные в рогатых личинах — звериные уши, длинные, завитые в кольца усы, нос с широкими ноздрями, бакенбарды и оскаленные зубы.

В комнатах была обнаружена также сравнительно немногочисленная бытовая утварь — железный нож, обломки глиняных сосудов, несколько украшений и др.¹

И вот теперь, когда археологи могли уже представить себе первоначальный облик этого огромного дворца, возник главный вопрос: кем, когда и зачем он был построен здесь, среди безбрежной степи, где веками кочевали племена скотоводов?

¹ См.: Л. А. Евтюхова, В. П. Левашова, Раскопки китайского дома близ Абакана, «Кр. сообщения Ин-та истории материальной культуры» (КСИИМК), вып. 12, 1946; Л. А. Евтюхова, Развалины дворца в «земле хагас», КСИИМК, вып. 21, 1947; С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949; А. Н. Бернштам. Очерк истории гуннов, Л., 1951; Отчеты Л. А. Евтюховой о работе Саяно-Алтайской экспедиции в 1945 и 1946 гг., Архив ИА АН СССР, Р-1, №№ 71 и 198.

Руководители раскопок Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова пришли к выводу о возможности отождествить руины здания с дворцом китайского полководца Ли Лина, взятого в плен хунну в 99 г. до н. э. Важнейшим основанием для такого предположения явилась датировка надписи на черепице, прочитанной крупнейшим советским китаеведом В. М. Алексеевым. По характеру знаков и грамматическим особенностям текста он определил, что эти надписи относятся к эпохе Хань (III в. до н. э.—III в. н. э.). Дополнительным аргументом в пользу данной гипотезы было

Рис. 2. Дворец близ Абакана (реконструкция архитектора Г. Б. Щукина)

то, что вещи, найденные в дворцовых помещениях, относились к гуннскому времени².

Против этой точки зрения выступил А. Н. Бернштам. Архитектурные детали, обнаруженные во время раскопок, могут быть отнесены к ханьскому времени, но продолжают существовать и позднее, утверждал он. Они характерны для традиционной китайской архитектуры вплоть до наших дней. С другой стороны, ряд технических особенностей (в частности, клинкерный обжиг черепицы) не известен ранее эпохи Тан (VII—X вв.). То же относится и к бронзовым личинам, аналогии которым известны в танское время. Наконец, А. Н. Бернштам ссылаясь на дошедшее до наших дней письмо Ли Лина из плена: китайский полководец описывает свою жизнь таким образом, что факт сооружения им дворца маловероятен³.

Вскоре после этого Л. А. Евтюхова и В. П. Левашова опубликовали свой «Ответ А. Н. Бернштаму». В нем была повторена аргументация их первой статьи и подчеркнуто, что В. М. Алексеев ограничил возможность изготовления черепицы из абаканского дворца ханьским временем. Авторы далее отмечали, что они не настаивают на обязательной принадлежности этого дворца именно Ли Лину. Более того, они допускали теперь возможность отнесения его к эпохе Поздней Хань (I—III вв.)⁴.

Впрочем, спустя год Л. А. Евтюхова выступила с новой статьей, где снова допускала, что дворец принадлежал Ли Лину⁵.

² Л. А. Евтюхова, В. П. Левашова, Указ. раб., стр. 72—84.

³ А. Н. Бернштам, рец. на статью Л. А. Евтюховой и В. П. Левашовой «Раскопки китайского дома близ Абакана», «Изв. АН СССР. Отделение истории и философии», т. III, 1946, № 5, стр. 479—482.

⁴ Л. А. Евтюхова, В. П. Левашова, Ответ А. Н. Бернштаму, «Изв. АН СССР. Отделение истории и философии», т. III, 1946, № 6.

⁵ Л. А. Евтюхова, Указ. раб.

Материалы об этом памятнике были использованы С. В. Киселевым в его фундаментальном труде «Древняя история Южной Сибири». В специальном разделе, озаглавленном «Дворец Ли Лина?», автор настаивает на датировке памятника эпохой Хань. Знак вопроса, вынесенный в заголовок, свидетельствовал об определенных сомнениях в правомерности приписывания дворца Ли Лину, хотя в самом тексте этот вопрос не рассматривался⁶.

А. Н. Бернштам в своей книге «Очерки истории гуннов» вновь вернулся к этому вопросу. Он по-прежнему отрицал возможность того, что постройка была осуществлена в ханьское время. Дворец этот, по его мнению, не мог принадлежать Ли Лину; более вероятной является датировка его эпохой каракитаев (т. е. XII—XIII вв.)⁷.

В 1953 г. Л. Р. Кызласов в своей диссертации, посвященной таштыкской эпохе, пришел к выводу, что о Ли Лине как наместнике гуннов в Хакаско-Минусинской котловине сообщают китайские летописи и «археологические факты (китайский дом Ли Лина у г. Абакана, датирующийся началом I в. до н. э.)»⁸. В 1960 г. в книге, опубликованной Л. Р. Кызласовым по материалам этой диссертации, он вновь утверждал на основании предпринятого им исследования, что стратиграфические условия памятника и все найденные в нем предметы датируют его началом I в. до н. э. и, что «такая дата здания совпадает со временем пребывания Ли Лина на Енисее и позволяет обоснованно считать этот дом специально для него построенным зданием»⁹.

Проблема «дворца Ли Лина» заинтересовала и зарубежных ученых. Еще в 1946 г. Го Мо-жо, которого во время его пребывания в Москве познакомили со всеми материалами раскопок, полагал, что, хотя памятник и может быть отнесен к эпохе Хань, считать его принадлежащим Ли Лину нет оснований¹⁰.

Через 10 лет после этого была опубликована статья Чжоу Лянь-куаня, который привел ряд доказательств того, что абаканский дворец был построен в ханьское время, но не мог принадлежать Ли Лину¹¹.

Таким образом, если А. Н. Бернштам, характеризуя в 1951 г. суть развернувшейся дискуссии, писал, что «таким образом, существуют два мнения», то к концу 1950-х годов мнений на этот счет было высказано по крайней мере три. Однако к этому времени дискуссия о памятнике у г. Абакана, столь бурно вспыхнувшая сразу же после его открытия, прекратилась и точка зрения о принадлежности дворца Ли Лину в нашей исторической литературе уже никем не оспаривалась и превратилась из гипотезы в казалось бы бесспорный факт. Именно как факт излагалась эта точка зрения во многих работах, опубликованных в последующие годы. Так родилась и начала жить легенда о дворце Ли Лина, постепенно трансформируясь и обрастая все новыми и новыми деталями.

Кто же был в действительности Ли Лин — герой этой легенды?

Битва в степях

Лето 99 г. до н. э. На пограничной заставе Цзюцюань близ Великой Китайской Стены царит необычное оживление. Вот уже несколько часов подряд через настежь открытые ворота проходят конные и пешие подразделения императорских войск, направляющихся на север, где сре-

⁶ С. В. Киселев, Указ. раб., стр. 268—272.

⁷ А. Н. Бернштам, Очерк истории гуннов, стр. 71—74.

⁸ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха (I в. до н. э.—V в. н. э. в истории Хакаско-Минусинской котловины), Автореферат канд. дис., М., 1953, стр. 11.

⁹ Л. Р. Кызласов, Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины, М., 1960, стр. 164.

¹⁰ Го Мо-жо, Заметки о посещении СССР, Шанхай, 1946, стр. 136 (на кит. яз.).

¹¹ Чжоу Лянь-куань, Развалины дворца в китайском стиле, обнаруженные в Южной Сибири, «Каогу сюэбао», 1956, № 4, стр. 55—66.

ди бескрайних степеней раскинулись земли хунну. Командует тридцатитысячным войском знаменитый Ли Гуан-ли, одержавший недавно блестящие победы в Западном крае. Да вот и он сам — в легкой колеснице, прикрытой от палящих лучей солнца небольшим шелковым навесом. Впереди шагают тяжеловооруженные воины охраны, а чуть поодаль отряд конницы. Слышатся глухие удары боевых барабанов и визгливые звуки дудок. На лицах солдат, бесконечной вереницей проходящих под сводами ворот, ни тени сомнения в легкой победе над врагом и скором возвращении домой.

В многовековой истории борьбы хунну с Китаем кровавые схватки время от времени перемежались периодами мира, когда Китай, отчаяв-

Рис. 3. Китайский полководец, едущий во главе войск (с ханьского барельефа)

шись добиться подчинения степных кочевников силой оружия, стремился утвердить свое влияние средствами дипломатии. Один из эпизодов хунну-китайских отношений был связан с именем основателя ханьской династии императора Гао-цзу, который, отправившись в поход на кочевников, попал в засаду и лишь чудом избежал плена. Вконец перепуганный властитель завещал своим потомкам избегать войн с хунну. Почти два века китайские правители не отваживались предпринимать активных действий против северных соседей. Они даже вынуждены были пойти на заключение с хунну «договора о мире и родстве». Обещание не тревожить границ Срединной империи покупалось у хунну ценой ежегодных обильных даров — шелковых тканей и ваты, предметов роскоши, зерна, а иногда и... принцесс, которых выдавали замуж за правителей хунну — шаньюев.

Положение изменилось в конце II в. до н. э. Император У-ди, уверовав в могущество Срединной державы, решил отказаться от политики своих предшественников и покончить с хунну силой оружия. Поход Ли Гуан-ли был одной из первых военных акций против хунну, предпринятых У-ди. Но генерал не оправдал надежд: он был окружен в степи и потерял в бою почти половину своей армии.

На помощь ему из резерва был срочно послан новый отряд пеших воинов во главе с энергичным и честолюбивым Ли Лином. События, последовавшие за этим, сыграли решающую роль в судьбе не только самого Ли Лина, но и его современника, «отца китайской истории» Сыма Цяня. Предоставим слово последнему.

«... Ли Лин был во главе солдат неполных пяти тысяч, а углубился в землю варваров-номадов так далеко, что уже переступил он ставку хана... Перед ним было войско в десятки и сотни тысяч; с шаньюем сражался сам он несколько раз подряд, и в этих боях провел он десяток и более дней... И вот вся страна напала на солдат Ли Лина отовсюду. На тысячу *ли* развернулись бои... Все стрелы иссякли, дорога зашла в тупик. Вспомогательных войск никаких не пришло. Солдаты, начальники падали мертвыми, раненых тоже кучи лежали...»¹².

¹² Сыма Цянь, Ответ Жэнь Шао-цину, в кн. «Китайская классическая проза в переводах академика В. М. Алексеева», М., 1964, стр. 86.

В императорском дворце тем временем с нетерпением ждали вестей с севера. Первый прискакавший в столицу гонец Ли Лина привез доклад об удачном начале сражения. Двор охватило ликование. Император праздновал победу, и приближенные по очереди поднимали чаши с вином, желая ему «десять тысяч лет жизни». Веселье продолжалось несколько дней. И вдруг новое донесение: войска Ли Лина разбиты, а сам он попал в плен.

Трудно описать ярость услышавшего это известие правителя Среднего царства. Он никого не хотел видеть и даже «ел без приятности вкуса». Началось расследование дела Ли Лина. Приближенные думали лишь о том, как им избежать гнева императора. Каждый стремился доказать свою непричастность к позорному поражению и усугубить вину Ли Лина.

Сыма Цянь близко знал Ли Лина, считал его порядочным и достойным человеком, талантливым военачальником — «даже какой-нибудь древний известный, большой полководец не мог бы его в этом смысле никак превзойти». Сыма Цянь полагал, что Ли Лин сделал все, что было в его силах. И поэтому, будучи вызван к императору, Сыма Цянь смело сказал ему это, желая ободрить государя. Последствия были ужасны. «Сочли, что я обманывал царя, и вот я наконец был отдан на суждение и действия тюремных палачей». Отец китайской истории был подвергнут жестокому и унижительному наказанию — кастрации, а вся семья Ли Лина — его престарелая мать, жена, братья и сыновья — была казнена.

А что же Ли Лин?

Хуннуский шаньюй проявил гуманность по отношению к пленному полководцу. Он не только не казнил Ли Лина, как можно было бы ожидать, но, оставив его в живых, даже приблизил к себе и женил на своей дочери. Позднее У-ди несколько раз направлял к хунну послов с предложением Ли Лину вернуться. Ли Лин встречал послов одетым по-хуннуски. Он наотрез отказался вернуться в Китай, заявляя: «Уважающий себя человек не унижается дважды»¹³. Решив навсегда связать свою судьбу с хунну, Ли Лин даже принимал участие в военных действиях против Хань. Прожив среди хунну свыше 20 лет, Ли Лин умер в 75 г. до н. э.

Но был ли у Ли Лина дворец — об этом источники умалчивают.

Чаши весов

Для ответа на вопрос о том, кому мог принадлежать дворец, раскопанный археологами в хакасской степи, первостепенное значение имеет датировка этого памятника. Читатель помнит, что мнения специалистов на этот счет разошлись. Необходимо было вернуться к первоисточнику и заново изучить материалы раскопок, хранящиеся в музеях Советского Союза.

Совершенно естественно, что нам, москвичам, удобнее всего было начать свою работу с изучения вещей из «дворца Ли Лина», хранящихся в фондах Государственного Исторического музея. Дирекция сразу же пошла нам навстречу и предоставила возможность детально ознакомиться со всем, что нас интересовало. Вместе с главным хранителем музея А. И. Шкурко спускаемся в хранилище. Александр Иванович замечает наше волнение. Да и можно ли оставаться равнодушным, когда берешь в руки предметы, пролежавшие в земле многие столетия и известные тебе лишь по книжным иллюстрациям?

Прежде всего надо тщательно осмотреть черепицу и, главное, концевые диски, некогда украшавшие крышу абаканского дворца. И вот

¹³ Бань Гу, Ханьшу (Ханьская история), т. 8, Шанхай, 1964, стр. 2458 (на кит. яз.)

Рис. 4. Декоративные керамические диски, украшавшие дворец близ Абакана (ГИМ, колл. № 82170)

они перед нами — массивные круглые керамические плитки светло-серого цвета, диаметром около 20 см. На каждой из них надпись, состоящая из 10 иероглифов. Достаточно беглого взгляда, чтобы стало ясно: все надписи стандартны, но выполнены разными штампами. Некоторые из иероглифов были вырезаны на этих штампах неодинаково. Просто удивительно, что раньше никто из изучавших материалы «дворца Ли

Лина» не обращал на это внимания. Сразу же делаем по несколько оттисков с каждого диска — предстоит еще большая и сложная работа по сопоставлению и палеографическому анализу надписей.

Затем мы осматриваем вещи, хранящиеся в другом помещении, — фрагменты глиняных сосудов, украшения и великолепные маски-ручки.

Для того чтобы получить наиболее полное представление о памятнике, один из нас побывал в Абаканском, Красноярском и Минусинском краеведческих музеях, где хранится остальная часть интересующих нас находок, а также на том месте, где когда-то возвышался дворец.

Рис. 5. Маски-ручки, найденные во дворце близ Абакана

Сейчас, когда все предметы, найденные во дворце, прошли через наши руки, мы можем с уверенностью утверждать: мнение А. Н. Бернштама о том, что сооружение дворца относится к XII—XIII вв., является ошибочным.

Для датировки рассматриваемого нами памятника существенное значение имеют обнаруженные в нем бронзовые дверные ручки (рис. 5). Близкие аналогии им известны на территории Китая. Ручки с кольцами, вставленными в личины-маски, получили там широкое распространение начиная с V—IV вв. до н. э. В ханьское время они становятся неотъемлемым элементом дворцовой и храмовой архитектуры. Их можно видеть на многочисленных барельефах эпохи Хань¹⁴. Известны находки и самих дверных ручек с кольцами, относящихся к ханьскому времени (рис. 6).

Изучение сравнительного материала позволяет разяснить одно недоразумение, связанное с масками-ручками из Абакана. Многие исследователи усматривали в них антропоморфные черты. Более того, утверждалось даже, что «при рассмотрении этих предметов бросаются в глаза характерные особенности европеоидного типа лица, чем они сильно напоминают некоторые погребальные маски таштыкской культуры»¹⁵. Полагая, что на дверных ручках из Абакана воспроизведены изображения лица местного физического типа, ряд исследователей считали их произведениями местных мастеров-художников.

¹⁴ См., например, Цзэи Чжао-юй и др., Отчет о раскопках погребений с каменными барельефами из Инаня, Пекин, 1956, стр. 103—105 (на кит. яз.).

¹⁵ Л. А. Евтюхова, Южная Сибирь в древности, в кн.: «По следам древних культур. От Волги до Тихого океана», М., 1954, стр. 204.

Предоставляем читателю самому решать, имеют ли абаканские ручки сходство с погребальными масками таштыкского времени (рис. 7), действительно передающими некоторые существенные черты внешнего облика населения долины Енисея в III в. до н. э.—II в. н. э.¹⁶ Но дело в том, что на китайских масках-ручках изображалось не человеческое лицо, а морда мифического животного. С этой точки зрения определить расовый тип, представленный на абаканской маске, оказывается в действительности не менее затруднительным, чем скажем, установить, к

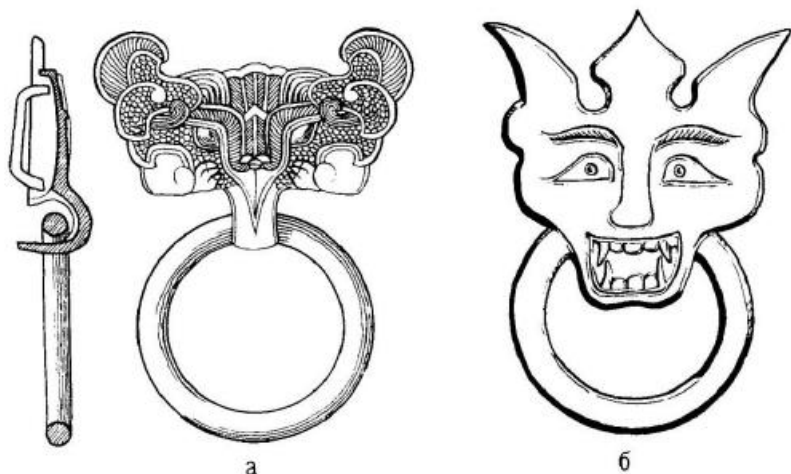

Рис. 6. Прорисовки масок-ручек ханьского времени из Китая. а — бронзовая ручка из провинции Хунань (II в. до н. э.); б — изображение ручки на каменном барельефе из провинции Шэньси (II в. н. э.)

какому виду по системе Линнея относится восточноазиатский дракон. А если это так, то тезис о влиянии китайской традиции на художественное мышление местных мастеров оказывается лишенным оснований.

Решающее слово в вопросе датировки дворца близ Абакана принадлежит надписям на черепице. В. М. Алексеев был несомненно прав, отнеся их к ханьскому времени. Следует отметить, что вообще обычай украшать край крыши декоративными дисками появляется в Китае почти одновременно с масками-ручками. Но до III в. до н. э. концевые черепичные диски никогда не имели надписей. В ханьское время получает распространение стандартный набор надписей-благопожеланий, которые наносились не только на черепицу, но и на ткани, зеркала, поясные пряжки и даже на земледельческие орудия. На черепице из «дворца Ли Лина» мы читаем: «Сыну Неба тысячу осеней и десять тысяч лет вечной радости без горя».

Надписи такого типа известны в Китае на протяжении нескольких веков начиная с IV—III вв. до н. э. Характерно, что двусложные словосочетания, встречающиеся в нашей надписи (ваньсуй — «десять тысяч лет», цянью — «тысяча осеней», чанлэ — «вечная радость», вэйян — «не знать горя»), употреблялись в ханьское время и в качестве личных имен. В «Ханьской истории» Бань Гу упоминается о деятеле по имени Лю Вань-суй, а людей по имени Цянью мы найдем там не менее дюжины; столь же распространенными были в то время имена Чан-лэ и Вэй-ян.

¹⁶ Г. Ф. Дебец. Антропологическое исследование погребальных масок таштыкской культуры, «Краткие сообщения о научных работах Научно-исследовательского ин-та и Музея антропологии при МГУ», М., 1941.

Но есть в абаканской надписи одна на первый взгляд малозначительная деталь, позволяющая дать памятнику гораздо более точную датировку. В словосочетании чанлэ («вечная радость») первый иероглиф заменен другим знаком, имеющим то же чтение и значение. Случайность? Но в исторических хрониках сохранилось свидетельство о том, что император Ван Ман, узурпировавший престол в 9 г. н. э., издал указ об изменении написания иероглифа «чан» в названии столицы империи, города Чанъань («Город вечного спокойствия»), а также в названиях некоторых чиновничьих должностей. После реставрации ханьской династии в 23 г. эти нововведения были отменены. Поэтому все

Рис. 7. Погребальные маски таштыкской эпохи (Минусинская котловина, ГИМ, келл. № 72 956). а — маска, изображающая лицо человека европеоидного облика; б — маска изображающая человека с монголоидными чертами

эпиграфические надписи ханьского времени со специфическим написанием иероглифа «чан» сейчас надежно датируются временем Ван Мана. Это означает, что черепица из абаканского дворца могла быть изготовлена не раньше 9 г. и не позже 23 г., т. е. в течение каких-то 15 лет!

Учитывая это, крайне трудно поверить, чтобы Ли Лин мог жить во дворце, построенном спустя почти век после его смерти. Чаши весов склонились явно не в пользу версии, связанной с именем злополучного полководца.

Принцесса в «высоком шалаше»

Но если Ли Лин оказывается тут ни при чем, то кто же в таком случае мог быть владельцем таинственного дворца?

Рассуждая логически, можно считать, что мы знаем об этом незнакомце следующее:

- 1) он жил в самом начале I в.;
- 2) он был либо китайцем, либо человеком, прекрасно знакомым с особенностями китайской культуры и повседневного быта;
- 3) он пользовался поддержкой и благосклонностью китайского императора: только в этом случае объяснимо появление слов «Сын Неба» на черепице, украшавшей его покон (это обстоятельство, между прочим, совершенно не учитывалось сторонниками версии «дворца Ли Лина»);

4) дворец был построен тогда, когда хунну временно отказались от военных действий против Китая, иначе они в свою очередь не могли бы допустить благопожеланий китайскому императору;

5) владелец дворца постоянно жил на берегах Енисея, за тысячи километров от тех мест, где находилась в это время ставка хуннуского шаньюя¹⁷.

Попробуем оценить с точки зрения этих «примет» владельца абаканского дворца гипотезу Го Мо-жо о том, что здание принадлежало одной из китайских принцесс, выданной замуж за шаньюя в соответствии с «договором о мире и родстве»¹⁸. Работа Го Мо-жо была известна С. В. Киселеву¹⁹, но он, очевидно, не разделял этой гипотезы, так как даже не упомянул о ней. Отвергает точку зрения Го Мо-жо и китайский историк Чжоу Лянь-куань.

В самом деле, решение ханьского императора послать принцессу в далекие степные края и выдать ее замуж за «варвара-кочевника» рассматривалось китайскими историографами того времени как явление чрезвычайное, нуждающееся в тщательной и подробной фиксации. Изучение письменных источников показывает, что за всю историю Среднего царства вплоть до I в. н. э. включительно это случалось лишь пять раз. Последний раз — в 33 г. до н. э., когда некая Чжао-цзюнь была выдана за шаньюя Хухань.

Читатель может задать вопрос: а что вообще известно о жизни китайских принцесс, волею судеб попавших в столь непривычную для них обстановку?

В 107 г. до н. э. внучка императора У-ди была отправлена в далекие степные края, где она должна была стать женой могущественного правителя усуньских племен. Свадебный поезд снаряжали со всей подобающей случаю тщательностью. Император счел нужным пожаловать невесте богатые подарки — колесницы, одежду, драгоценности и снабдить ее штатом прислужников и возниц, надеясь этим скрасить жизнь новобрачной вдали от отчего дома. Прошло несколько лет, и прибывший в Чанъань усуньский посол вручил императору стихи, написанные принцессой:

Выдали меня замуж
на край света
в далекую чужую страну
за усуньского царя.
Цюнлу служит мне домом,
войлок — стенами,
мясо — едой,
молоко — питьем.

Все время тоскую о родной земле,
сердце мое разрывается от скорби.
Хотела бы стать перелетною птицей,
чтобы вернуться в родные края²⁰.

Что же такое цюнлу, служившее жилищем принцессы?

Н. В. Кюннер, основываясь на толковании комментатора Сюй Суна, переводит термин «цюнлу» словами «высокий шалаш»²¹. Некоторые авторы считают, что речь здесь идет о юрте²², но это не вполне точно: для юрты характерен складной решетчатый остов, появляющийся позднее.

¹⁷ Чжоу Лянь-куань, Указ. раб., стр. 62.

¹⁸ Го Мо-жо, Указ. раб., стр. 136.

¹⁹ С. В. Киселев, Древняя история Южной Сибири, М., 1951, стр. 479, примеч. I.

²⁰ Бань Гу, Указ. раб., т. 12, стр. 3903.

²¹ Н. В. Кюннер, Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока, М., 1961, стр. 78.

²² В. С. Таскин, Материалы по истории сюнну, М., 1968, стр. 142, 143.

Однако несомненно, что цюнлу — это типичное для гуннского времени кочевническое жилище с неразборным сплетенным из ивовых веток каркасом, крытое войлоком.

В конце II в. н. э. знатная китайка Цай Вэнь-цзи была выдана замуж за влиятельного хунну — наследника шаньюя. Она провела в степях Центральной Азии 12 лет и вернулась в Китай в 208 г. Цай Вэнь-цзи владела незаурядным поэтическим даром и оставила потомкам большую поэму в 18 частях, в которой описывалась ее жизнь среди хунну. Мы узнаем, что одеваться ей приходилось в овчинный тулуп, а питаться мясом и молоком, казавшимися ей несъедобными. Жила же она в цюнлу, о чем упоминается в одном из разделов поэмы, где описываются «чуждые обычаи и иные нравы». Много позднее, уже в минское время (XIV—XVI вв.) поэма Цай Вэнь-цзи была проиллюстрирована неизвестным художником, который изобразил жилище поэтессы в виде юрты, распространенной у кочевников в его время (свиток хранится ныне в Нанкинском музее)²³.

Таким образом, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют сделать вывод, что как во II в. до н. э., так и четыре столетия спустя китайки, выданные замуж за кочевников, жили в «высоких шалашах». Вопреки старой истине, что с милым и в цюнлу рай, они в своих стихах горько жаловались на судьбу и, по-видимому, были бы не прочь обменять свой шалаш на дворец.

Итак, может быть, это — Чжао-цзюнь?

Но такое решение проблемы владельца абаканского дворца вызывает несколько недоуменных вопросов. Во-первых, почему она получила такой прекрасный подарок лишь на склоне лет, когда ей шел уже по крайней мере седьмой десяток и она вряд ли могла рассчитывать на нежность и внимание со стороны своего варвара-супруга? Во-вторых, почему дворец был построен не в ставке шаньюя, где надлежит пребывать его супруге, а на берегах далекого Енисея? Нет, видимо, и принцессу Чжао-цзюнь приходится вычеркнуть из списка возможных претендентов на роль владельца роскошного дворца.

И все-таки не исключено, что Чжао-цзюнь имела некоторое отношение к нашему рассказу. Она была выдана замуж за шаньюя Хуханье, но пережила своего мужа и в соответствии с обычаями хунну стала женой его старшего сына от другой женщины. У Чжао-цзюнь родилась дочь по имени Имо, которая была отправлена в Китай и стала там одной из придворных служанок императора Ван Мана. Затем Имо вернулась к хунну, после чего вышла замуж за Сюйбудана — наместника «правых земель». Как сама Имо, так и ее муж были сторонниками примирения Хань и хунну. Это совпадало с намерениями Ван Мана, занятого проведением внутренних реформ. Очевидно для Имо и был возведен этот дворец на Енисее, где могла находиться постоянная ставка Сюйбудана.

Хунну и Китай

«О, судьбы людские!» — любил повторять Овидий.

Лопата, прорезавшая дерн, со звоном ударилась во что-то твердое, но хрупкое. Так началась история открытия и изучения «дворца Ли Лина». История эта во многом поучительна.

И в самом деле, при жизни Ли Лину фатально не везло. После смерти ему, напротив, были приписаны подвиги, совершить которые под силу не всякому. Сам того не подозревая, Ли Лин превратился в «гуннского наместника в земле хягас», в человека, получившего от шаньюя «в управление область и племя хягасов». Между тем в достоверных источниках ханьского времени нет никаких упоминаний о том, что Ли Лин был на-

²³ Го Мо-жо, Цай Вэнь-цзи, Пекин, 1959 (на кит. яз.).

местником хунну на Енисее. Лишь тысячу лет спустя авторы китайской династийной истории «Таншу» вспомнили о Ли Лине в разделе, посвященном племени хягас. Люди этого рыжеволосого племени с голубыми глазами якобы считают тех своих братьев, у кого карие глаза, потомками Ли Лина. С легкой руки Иакинфа Бичурина, использовавшего эту версию в своем «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена»²⁴, Ли Лин обосновался на берегах Енисея, где он, по всей вероятности, вообще никогда не бывал. Что же касается вопроса о том; мог ли Ли Лин столь существенно повлиять на расогенез целого народа, то мы не беремся судить об этом и адресуем вопрос специалистам в области популяционной генетики.

Не подтверждается и еще одна, последняя сторона легенды, о том, что дворец близ Абакана принадлежал наместнику гуннов, пришедших на берега Енисея, уже подвергнувшись «сильному китайскому влиянию», и что этот дворец «является лучшим свидетельством и уровня развития, достигнутого местным обществом, и влияния на него более древних центров цивилизации»²⁵.

Мы не знаем в лицо владельца загадочного дворца. Но можем утверждать, что строительство его было явлением экстраординарным, возможным лишь при стечении целого ряда необычных обстоятельств. Многолетнее археологическое изучение памятников культуры северных хунну в Монголии, Забайкалье и Южной Сибири не дает никаких оснований утверждать, что эти кочевые племена испытали значительное китайское влияние. Китайские вещи, попадавшие к хуннуской знати в виде даров ханьского двора, не могли существенно изменить общий облик самобытной кочевой культуры северной ветви хунну, живших на территории Монголии и юга Сибири. Кстати говоря, не заметил этого влияния на хунну и сам Ли Лин, проживший в их среде долгие годы. В своем письме к Су У он подчеркивает резкие различия в культуре и быте хунну и китайцев и сетует на то, что, живя среди кочевников, вынужден был «укрываться от ветра и дождя кожаной одеждой и войлочной палаткой, а голод и жажду утолять вонючей бараниной и мясом локом»²⁶.

Таким образом, нет решительно никаких оснований рассматривать памятник близ Абакана ни как «дворец Ли Лина», ни как жилище «наместника гуннов» на Енисее, ни видеть в нем результат китайского влияния на сибирские племена, ни свидетельство уровня развития, достигнутого местным обществом.

²⁴ Н. Я. Бичурин, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I, М.—Л., 1950, стр. 73, 351.

²⁵ А. М. Хазанов (при участии Л. Е. Куббеля и С. А. Созиной). Первобытная периферия докапиталистических обществ, в кн.: «Первобытное общество», М., 1975, стр. 165.

²⁶ Ли Лин, Ответ на письмо Су У, в кн.: «Древние тексты», Шанхай, б. г., т. 2, стр. 156 (на кит. яз.).